

AT THE SOURCES OF ANCIENT CULTURE
OF THE NEAR EAST

(Excavations of Nevali-Chori)

Ye.V. Antonova, B.A. Litvinsky

Nevali-Chori is a most interesting settlement of the pre-pottery neolithic period in South-East Turkey. Besides dwelling houses of complicated construction with storage facilities and work-shops, sanctuaries were discovered with carefully made floors (terrazzo-buildings), stone stelae and slabs for sacrificial offerings. The stone sculptures in the sanctuaries represented people, birds of prey, animals and mythical creatures. Many burials attesting to the worship of the dead were also found. The settlement belongs to an important period of the spreading culture of settled farmers and livestock-breeders, a period of the development of new conceptions of the world. The Nevali-Chori culture is one of those that served as the basis for the composition of ancient civilizations.

© 1998 г.

М.А. Дандамаев

ИМПЕРСКАЯ ИДЕОЛОГИЯ И ЧАСТНАЯ ЖИЗНЬ
В АХЕМЕНИДСКОЙ ДЕРЖАВЕ

Первое тысячелетие до н.э. в Передней Азии было временем возникновения, расцвета и упадка великих мировых империй. Оговоримся сразу, что под империями мы имеем в виду государства, власть которых распространялась на многие страны, населенные этнически разнородными народами. Конечно, крупные державы существовали и в III и II тыс., но по своей экономической основе они разительно отличались от более поздних империй. Первые опирались на гигантские государственные или государственно-храмовые хозяйства. Это легко объясняется тем, что еще не существовало рыночного хозяйства и возможности свободно приобретать сырье или использовать наемный труд в сколько-нибудь широких масштабах. Наиболее наглядным примером таких империй может служить государство III династии Ура в Южной Месопотамии (2112–2003 гг.), власть которого простиралась и на соседние страны – Элам и Сирию. Довольно скоро это государство приобрело деспотический характер, и его цари выполняли, в частности, функции главы всего государственного аппарата и верховного судьи, и некоторые из них были даже обожествлены. Были созданы сильное центральное управление и единая государственная канцелярия, использовавшая шумерский язык. В царских и храмовых хозяйствах многочисленный штат писцов и чиновников регистрировал все процессы экономической и административной жизни вплоть до мелочей, и гонцы с документами государственной канцелярии рассылались во все концы империи. Дворцово-храмовое хозяйство требовало огромного количества работников, которые постепенно лишались прав свободных членов общества. Например, один лишь храм богини Баба в городе Лагаше владел земельной площадью более 4500 га. Существовали, конечно, и частные хозяйства, но они играли незначительную роль, и о них нам мало что известно.

С течением времени стали проявляться недостатки, присущие крупным централизованным хозяйствам, которые были мало эффективны. Причины этого были совершенно тривиальны. Вероятно, в самом начале, когда была налажена система крупных хозяйств, все – как чиновники, так и рядовые работники – были более или менее довольны своим положением: одни – сравнительно щедрым вознаграждением,

другие – пайками, спасавшими их от голодной смерти. Но по мере ослабления государственной власти чиновники стали все больше злоупотреблять своим служебным положением, используя государственное хозяйство для личного обогащения. Тем временем это хозяйство приходило в упадок, и соответственно пайки рядовым работникам начали урезывать. Естественно, последние не были заинтересованы в результатах своего труда и не проявляли инициативы.

Когда внешние враги (это были кочевые аморейские племена из Сирийской степи) начали наступать на территорию державы Ура и когда надзор над работниками ослабел, государственное хозяйство рухнуло. Это привело к массовым процессам приватизации бывших государственных и храмовых земель. Работники, ранее сидевшие на этих землях, стали самочинно захватывать их. На смену всеобъемлющему государственно-храмовому хозяйству пришел постоянно расширявшийся частный сектор экономики. Детали этих процессов нам не известны, ибо в источниках перед нами предстает уже законченная картина результатов приватизации. Возможно, это была первая известная нам в истории массовая приватизация, и о ее скрытых механизмах мы теперь можем в общем и целом догадываться, исходя из своего ретроспективного исторического опыта.

Этот же опыт позволяет нам наглядно представить себе последствия падения древних империй. Живую картину таких последствий дают письма, написанные четыре тысячи лет тому назад царями державы Ура своим заместителям: разрыв связей между различными частями бывшего единого государства и беспомощность центрального правительства, недостаток продовольствия и трудности с его доставкой из одной области в другую, фантастический рост цен, грабежи на дорогах и в городах¹.

В отличие от III и II тысячелетий экономической основой более поздних империй в основном были частновладельческие хозяйства. Другими словами, теперь государственный аппарат и армия содержались за счет поступления налогов и податей, а не за счет доходов от дворцового имущества.

Конечно, и в I тыс. до н.э. экономическое развитие стран, входивших в состав той или иной империи, не было равномерным. Например, по своему социально-экономическому укладу Ахеменидская держава отличалась большим разнообразием, так как в нее входили по тому времени высокоразвитые области Малой Азии, Элам, Вавилония, Сирия, Финикия и Египет, а также страны с кочевыми племенами, еще не знавшими классового строя (саки, колхи, часть арабов и т.д.). Да и сама Персия, являвшаяся ядром державы, ко времени возникновения последней была сравнительно отсталой страной. В хозяйственно-административных документах массового характера, составленных в конце VI – первой половине V в. до н.э., отчетливо выступают контуры огромного царского хозяйства, которое охватывало весь Юго-Западный Иран. Причины возникновения такого типа хозяйства были те же, что и в ранних империях: отсутствие рынков и сколько-нибудь развитых товарно-денежных отношений в Персии. Таким образом, несмотря на свою решающую роль в создании и сохранении империи Персия в экономическом отношении оставалась периферийной страной и не только не определяла характерные для передовых регионов тенденции развития, основанные на частной собственности и рыночных отношениях, но и не могла заметно влиять на них.

Первой мировой империей была Новоассирийская держава, которая в период зенита своего могущества контролировала огромные территории, начиная от Египта и кончая глубинными районами Ирана. В конце VII в. до н.э. Новоассирийская империя была разрушена мидийцами и вавилонянами, а ее основные центры разграблены и многие обитатели ассирийских городов вырезаны. Это было мстью государству, которое в течение нескольких столетий грабило и опустошало страны Ближнего Востока.

Падение Ассирийской империи не только привело к драматическим политическим

¹ Kuhrt A. The Ancient Near East c. 3000–330 B.C. V. I. L. – N.Y., 1995. P. 70–72.

переменам, но также вызвало значительные экономические последствия. Враги Ассирии смели многие достижения ее административной системы и даже разрушили ряд важных городских и торговых центров, созданных в новоассирийские времена. Например, финикийский город Экрон, который был крупнейшим центром Ближнего Востока по производству оливкового масла и важной транзитной базой, был разрушен вавилонянами в конце VII в. до н.э.²

Такая деструктивная политика была характерна для нововавилонских и мидийских царей в период их раннего правления. Это легко объясняется тем, что на смену Ассирийской мировой империи с ее хорошо организованными административными институтами пришли довольно примитивные государства. Так, Мидия была раннегосударственным образованием, основанным на племенном союзе. Нововавилонское царство также было сравнительно примитивным образованием, хотя охватывало большую территорию, включая Месопотамию и области к западу от нее вплоть до границ с Египтом. Правда, высшие слои халдейских племен – основная опора Нововавилонской державы – еще до ее образования восприняли традиционную вавилонскую культуру. Тем не менее военная мощь государства в значительной степени покоилась на племенной организации халдеев. Поэтому вавилонские правители не чувствовали необходимости в ассирийских административных институтах и развитых экономических центрах. В частности, ассирийская система регулярного сбора податей больше не действовала, и вавилонскому царю Навуходоносору II приходилось ежегодно совершать походы в Палестину и Сирию, чтобы собрать налоги.

Но такое положение должно было коренным образом измениться, когда началось становление новой мировой империи. Это была Ахеменидская держава с центром на Иранском плато. Она возникла в течение всего нескольких десятилетий, между 550–512 годами и охватывала Малую и Среднюю Азию, западную часть Индии, Элам, Вавилонию, Сирию, Финикию, Египет и другие страны. Поэтому в сжатые периоды приходилось создавать новую административную систему для управления огромной империей, в состав которой входило более 80 народов. Для этого ахеменидским государственным деятелям, очевидно, пришлось обратиться к опыту ассирийцев, на достижения которых теперь смотрели с нескрываемым восхищением как на деяния славного прошлого. Мы можем предполагать, что после падения Ассирии ее административные традиции не были полностью утеряны. Как известно, начиная с VIII в. до н.э. в западных областях Ассирийской империи арамейский, наряду с аккадским или часто взамен него, стал языком дипломатии и администрации³. Арамейские писцы продолжали работать в регионах, ранее подвластных ассирийцам, и, очевидно, старались сохранить традиционные ассирийские административные институты. Когда персы завоевали Месопотамию, они легко могли использовать этих арамейских писцов для создания новой административной системы, которая теперь по всей империи была основана на арамейской канцелярии. Высказывалось также мнение, что традиционная ассирийская почтовая служба для управления провинциями позднее была использована ахеменидской администрацией.

В ходе становления ахеменидской культуры и имперской идеологии широко использовались также эламские, урартские, египетские, вавилонские и другие древние традиции⁴. Новая имперская культура была многим обязана и ассирийским культурным традициям, особенно в области создания канонов ахеменидского престижного искусства. Источниками заимствования ассирийских элементов культуры были как прямые наблюдения над еще сохранявшимися в раннеахеменидское время предметами ассирийского искусства, так и мидийская традиция дворцового искусства, которая в

² Dothan T., Gitin S. Ekron // The Anchor Bible Dictionary. V. 2. N.Y., 1992. P. 420.

³ Tadmor H. The Aramaization of Assyria: Aspects of Western Impact // Mesopotamien und seine Nachbarn / Hrsg. von H.-J. Nissen, J. Renger. Berliner Beiträge zum Vorderen Orient 1/2. B., 1982. S. 451.

⁴ Carter E. Bridging the Gap between the Elamites and the Persians in Southeastern Khuzistan // Sanchisi-Weerdenburg H. et al. Achaemenid History. VIII: Continuity and Change. Leiden, 1994. P. 65 ff.; Seidl U. Achaemenidische Entlehnungen aus der urartäischen Kultur // Ibid. S. 107 ff.

значительной степени восходила к ассирийскому. Ученые уже неоднократно отмечали, что стиль и детали ахеменидских рельефов имеют точные аналогии в ассирийском искусстве, целью которого было, как и позднее при Ахеменидах, возвеличение империи и могущества царской власти.

Ассирийские традиции широко использовались также в период формирования ахеменидской имперской идеологии. Как в Ассирии подчеркивалась личная связь царя с богом Ашшуром, так и при Ахеменидах связь правителя с богом Ахура-Мазды стала важной идеологической концепцией. Да и само изображение Ахура-Мазды в крылатом диске восходило к изображению крылатого бога Ашшура. Характерно также, что стиль прически Дария I на Бехистунском рельефе имеет близкое сходство с изображениями прически ассирийских царей⁵. Даже ассирийские методы наказания мятежников широко применялись, по крайней мере, в раннеахеменидское время, как это видно из Бехистунской надписи. В ней, в частности, рассказывается, что бунтовщиков держали в кандалах перед воротами царского дворца, предварительно отрубив им носы и уши и выколол один глаз.

Заметно бросается в глаза также сходство между ассирийской и ахеменидской системами комплектования армии, которая состояла из регулярного войска, наемников, а также воинов, получавших наделы из государственного фонда земли и несших за это воинскую повинность⁶.

Фонд государственных земель отчасти состоял из имений, отобранных у прежних царей и у некоторой части населения завоеванных стран, когда они не подчинялись ахеменидским правителям добровольно, а были усмирены силой оружия. Но также проводилось культивирование пришедших в негодность и давно заброшенных земель с последующим заселением их царскими воинами и зависимыми от государства работниками. Одновременно велась значительная работа по искусственному орошению пустыющих земель с внедрением новой техники. О результатах таких работ нам больше всего известно из большого количества документов, происходящих из города Ниппура в Вавилонии и относящихся ко второй половине V в. до н.э.⁷ Можно вспомнить также рассказ Геродота (III.117) о том, что по распоряжению персидских царей были сооружены шлюзы для распределения воды из р. Акес в Средней Азии.

Контакты между людьми разных языков, культур и образа жизни восходят к незапамятной древности и прослеживаются в письменных источниках и памятниках материальной культуры еще на заре цивилизации. Однако именно при Ахеменидах мир на огромных пространствах от Африки до Западной Индии стал единым. Теперь контакты с далекими странами перестали быть привилегией финикийских или греческих купцов и подобных им групп населения. В Месопотамии, Египте и других странах появились воинские гарнизоны, в которых служили представители десятков различных народов, до того часто и не знавших о существовании друг друга. Например, на самом юге Египта, на острове Элефантина наряду с иудеями, вавилонянами и другими воинами из западных областей державы служили также и хорезмийцы из Средней Азии. В округе Ниппура, в Месопотамии пестрые в этническом отношении гарнизоны царских воинов включали, в частности, выходцев из Малой Азии и далекой области Харайва на территории современного Афганистана (нынешний Герат), а также представителей западных семитов и других народов. Когда Геродот, бывший подданный персидского царя, в середине V в. до н.э., во время своего знаменитого путешествия по странам Ближнего Востока, посетил Вавилон, он там нашел греческих обитателей города, которые снабжали его, мягко говоря, далеко не достоверной информацией об истории Месопотамии. Такие же греки были его

⁵ Root M.C. The King and Kingship in Achaemenid Art // Acta Iranica 10. Leiden, 1979. P. 215. Там же приведена и более ранняя литература.

⁶ Grayson A. Mesopotamia, History and Culture of Assyria // The Anchor Bible Dictionary. 1992. 4. P. 747.

⁷ Oppenheim A.L. The Babylonian Evidence of Achaemenian Rule in Babylonia // The Cambridge History of Iran. V. 2. Camb., 1985. P. 578; Stolper M.W. Entrepreneurs and Empire: the Murāṣū Archive, the Murāṣū Firm, and Persian Rule in Babylonia. Leiden, 1985. P. 125 ff., 133.

проводниками, когда он оказался в Египте, но на этот раз их информация была более или менее надежной.

В некоторых странах ахеменидская администрация создавала государственные мастерские, где работали ремесленники из разных регионов. Например, в египетском городе Мемфисе бок о бок работали кораблестроители из многих стран. В Персеполе египетские и мидийские каменотесы, малоазийские инкрустаторы и другие мастера сооружали царские дворцы.

Оживленные связи установились не только между рядовыми людьми, но также между интеллектуальными элитами тогдашнего мира. Например, вавилонские документы ахеменидского времени неоднократно упоминают о пребывании в Месопотамии зороастрийских магов, которые были официальными жрецами персидских царей, и об их связях с вавилонскими храмовыми чиновниками. Можно с уверенностью полагать, что предметом их общения с вавилонянами были не только хозяйственные заботы, о чем свидетельствуют документы⁸, но также и вопросы религиозного характера, включая и космогонические представления. В вавилонских городах иранские маги могли также легко встретиться и с проповедниками иудейского вероучения, с которыми у них в ряде случаев были сходные представления. Приблизительно к тому же времени относится знакомство древнегреческих философов с зороастризмом. Не только Геродот, но также Гекатей, Демокрит и другие представители греческой культуры путешествовали по странам Ахеменидской державы и рассказывали грекам о народах, обитавших там, и об их культуре и обычаях.

Налоги, подати и разнообразные поборы существовали еще за две с половиной тысячи лет до возникновения Ахеменидского государства и всегда вызывали недовольство населения. Ахеменидская администрация установила довольно умеренные налоги с подданных с учетом обрабатываемой земли и степени ее плодородности за ряд лет. Все сатрапии обязаны были платить ежегодно строго зафиксированные денежные подати. Вначале сбор податей, по-видимому, не вызывал больших затруднений. Однако произвол чиновников, который невозможно было искоренить, превратил подати в тяжелое бремя для налогоплательщиков. Кроме того, на их положении неблагоприятно сказывалась и техника сбора налогов. Поскольку их надо было платить серебром, землевладельцам часто приходилось занимать деньги у ростовщиков, закладывая свои поля, что в конечном итоге приводило к их разорению. Об этом особенно богатая информация сохранилась в текстах из архива дома Мурашу, составленных в Ниппуре во второй половине V в. до н.э. Как видно из этих документов, в тех случаях, когда землевладелец нуждался в деньгах для уплаты подати, он обращался к дому Мурашу с просьбой уплатить причитающуюся с него подать. Мурашу платили соответствующую подать и получали с должника расписку за уплаченную сумму. Если подать не вносилась своевременно, начальники тех или иных округов передавали землю неисправных налогоплательщиков в распоряжение дома Мурашу, с тем чтобы в будущем последний регулярно вносил подать с нее. В конечном итоге такие процессы привели к сосредоточению огромного количества земель, расположенных в ниппурской округе, в руках дома Мурашу. Тексты свидетельствуют о том, что Мурашу разоряли целые поселения, угоняя оттуда скот и унося имущество должников. Однако такая практика была незаконной, и Мурашу в ряде случаев необходимо было возмещать причиненный ущерб⁹. Для уплаты податей приходилось также занимать деньги под залог недвижимого имущества или членов семьи. Как видно из книги Неемии (V.3–5), в Иудее многие занимали серебро для уплаты царских податей, отдавая своих сыновей и дочерей в рабство. Документы из Вавилонии показывают, что нередко жители этой сатрапии закладывали поля и сады, чтобы достать серебро для уплаты податей царю.

⁸ Dandamayev M.A. The Ebabbar Temple and Iranian Magi // *Altorientalische Forschungen*. 1995. 22.

⁹ См., например: *The Babylonian Expedition of the University of Pennsylvania. Series A: Cuneiform Texts*. V. 10. Philadelphia, 1904. № 9.

Недовольство населения вызывала и военная повинность. Однако к всеобщей мобилизации боеспособного мужского населения прибегали лишь в крайне редких случаях (например, во время похода Ксеркса против Греции). Наконец, существовали различные трудовые повинности. В частности, многих квалифицированных ремесленников направляли из Египта, Вавилонии и других стран в Иран для сооружения и ремонта царских дворцов.

Еще в ранний период возникновения Ахеменидской державы ее ведущие государственные деятели, разумеется, хорошо осознали, что им предстояло управлять, в частности, народами с тысячелетними культурно-историческими традициями и что в каждой стране они должны не только выражать уважение к этим традициям, но также выступать их прямыми наследниками и хранителями. Так, например, Кир II, основатель державы, в своих вавилонских надписях гордо называет себя «великим царем Аншана», подчеркивая свою приверженность к тысячелетним месопотамско-эламским традициям. Он также заявлял (и, по всей вероятности, сам верил в это), что вавилонский верховный бог Мардук велел ему захватить Вавилонию, чтобы освободить ее от произвола и гнета Набонида, последнего местного царя. Подобным же образом, когда Камбиз захватил Египет, по его словам, он это сделал по призыву египетской богини Нейт.

Но уважения, даже подчеркнутого, к богам покоренных народов и к традиционной частной жизни последних было недостаточно для того, чтобы властители вызывали восхищение у подданных. Надо было показать последним своих многочисленных богов, сначала определив их иерархию, а также создать величественные дворцы и единообразный стиль официального искусства. Эта работа в основном была осуществлена в период правления Дария I. Уже в самом начале его царствования возникла необходимость в переосмыслении имперской политики. Когда в 522 г. он вступил на престол, по всей державе (включая и саму Персию) вспыхнули многочисленные восстания против него, на подавление которых ушло более года. После этого пришлось представить подданным официальную версию о случившемся. Она дана в Бехистунской надписи, где утверждается, что в странах империи возобладала ложь, но Дарий с помощью бога Ахура-Мазды покарал бунтовщиков и восстановил порядок. Таким образом, те, кто восстал против Дария, изображаются лжецами и преступниками. В той же надписи отмечается, что она была переведена на многие языки и разослана во все страны империи для ознакомления народа с ее содержанием. Но вряд ли эта официальная версия устраивала подданных и имела у них успех; народ в большинстве своем не умел читать, да и царских писцов было явно недостаточно, чтобы ознакомить всех с содержанием надписи.

Несколько позднее, когда Дарий упрочил свою власть, тон его надписей значительно смягчился. Теперь он стал подчеркивать свою заботу о слабых и бедных – мотивы популярные в течение тысячелетий в надписях шумерских, вавилонских и ассирийских царей. Кроме того, по словам Дария, он решал важные дела, приняв во внимание все обстоятельства, обладал большой физической силой и был отличным всадником и превосходным лучником. Таким образом, суть имперской идеологии заключалась в том, что ахеменидские цари были идеальными правителями, представителями богов на земле, защитниками справедливости и социального порядка.

В период около 520 г. до н.э. Дарий решил построить новую имперскую столицу, которая получила название Парса (в греческой передаче – Персеполь). Весь план будущего города был детально разработан еще до начала работ. Его дворцы представляли единый архитектурный ансамбль. Парадный дворец для государственных приемов (ападана) вмещал 10 000 человек. На его лестницах были высечены рельефы с изображением придворных персов и мидийцев, а также представителей 33 народов Ахеменидской державы, несущих подати персидскому царю. В Персеполе отмечались важные государственные праздники, на которые прибывали и представители покоренных народов со всех концов империи; здесь же часто принимались и

послы иностранных государств. Во многих частях города можно было видеть ярко раскрашенные изображения верховного бога царского пантеона Ахура-Мазды. Приблизительно в это же время оформляются определяющие черты ахеменидского искусства: строжайшая композиция, стремление к абсолютной симметрии, зеркальное построение одних и тех же сцен, трафаретность фигур, каноничность поз и атрибутов. Таким образом, в Персеполье был создан тот имперский ахеменидский стиль, который впоследствии стал господствовать на всей территории, подвластной Ахеменидам. Этот дворцовый стиль распространился чрезвычайно широко, фактически создав единство культуры от Инда до побережья Малой Азии. Культурное единство ахеменидского мира не исчерпывается единством стиля памятников искусства, но охватывает и предметы материальной культуры, распространяясь даже на формы и стиль стеклянной и керамической посуды.

Таким образом, при всей пестроте социально-экономических укладов, этнических и культурных различий постепенно возник единый культурно-исторический мир. Однако с этим миром, естественно, соприкасались в основном высшие слои покоренных народов и их чиновники, которые ездили на поклон к царю царей или к его сатрапам.

В различных регионах Ахеменидской державы существовали совершенно отличные друг от друга политические режимы (монархические, демократические, аристократические и теократические), которые продолжали функционировать скорее в силу исторических традиций и убеждений подданных, чем по выбору или предпочтению центральной власти. Разумеется, зависимость подданных различных регионов от центральной власти не была одинаковой, но в общем и целом ахеменидская администрация (как и вообще, за редкими исключениями, власти в других древних обществах) вовсе не стремилась к установлению всеобъемлющего контроля над населением. Дело даже не в том, что государства на древнем Ближнем Востоке не имели достаточных средств или опыта, чтобы надзирать над подданными или не располагали необходимой для этого идеологией, а скорее в том, что они считали такой надзор излишним или, во всяком случае, противоречащим традиционным общественным отношениям и божественным установлениям. От подданных власти требовали лишь лояльности к существовавшему политическому порядку, а в остальном они были предоставлены самим себе. В их семейные отношения и взаимоотношения с другими членами общества государство не вмешивалось, если только не нарушались действовавшие в данное время и в данной стране законы.

В Ахеменидской державе были страны (Египет, Палестина, Месопотамия и Малая Азия), где существовали крупные дворцовые, храмовые и частные библиотеки и где процент грамотных людей был сравнительно высок. Но центральная власть, естественно, не интересовалась, какие произведения хранились в этих библиотеках и что подданные читали. Чрезвычайно редко случавшиеся в древних обществах попытки уничтожения исторических хроник или иных других книг (например в Китае) не засвидетельствованы на Ближнем Востоке I тыс. до н.э.

В общем и целом подданные Ахеменидов жили в довольно мягком идеологическом климате и находились скорее в плену у собственных предрассудков, чем у официальной государственной идеологии, обязательной для всех. Люди в древних обществах слишком зависели и от природных явлений, и от внешних обстоятельств, и их жизнь покажется тяжелой и безрадостной современному человеку, хотя те чувствовали себя, во всяком случае, не менее счастливыми или несчастными, чем он. Эти общества гораздо меньше подвергались давлению официальной идеологии и религиозных догматов, чем это было характерно для всего последующего времени вплоть до возникновения современных постиндустриальных государств.

Ахеменидская держава включала в свой состав десятки народов и между представителями некоторых из них возникали напряженные или неприязненные отношения, основанные на торговой или иной конкуренции (например между малоазийскими греками и финикийцами). Однако вражда на этнической или расовой основе была

чужда древним обществам. Даже в Новоассирийской державе, где постоянно происходили депортации целых народов из одного конца империи в другой, никаких этнических преследований не было, и представители самых различных народов могли добиться сравнительно высокого положения при царском дворе или в государственной администрации. Даже господствующий класс ассирийцев не был однороден в этническом отношении и в его состав входили многие арамеи, которых невозможно было отличить от «природных» ассирийцев. Тем более не было оснований для этнических преследований в Ахеменидской державе, администрация которой не смогла бы сколько-нибудь успешно функционировать без самого широкого привлечения представителей разных народов в качестве не только чиновников, но и экспертов по делам того или иного народа.

В ахеменидское время в Персии народные массы поклонялись древним иранским божествам, особенно богу солнца Митре и богине вод и плодородия Анахите. Среди народа культ Ахура-Мазды, верховного бога царского пантеона, не получил распространения. Именно по этой причине в течение всего ахеменидского периода не засвидетельствованы теофорные имена с Ахура-Маздой, в то время как теофорных имен с Митрой очень много. Это может свидетельствовать о том, что население Ирана не было обязано поклоняться Ахура-Мазде, который в официальных перечнях богов всегда стоит на первом месте. В этой связи возникает вопрос: были ли культы государственных богов, почитаемых царями стран Ближнего Востока, обязательными и для поклонения их подданных? Но прежде чем попытаться ответить на этот вопрос, следует вспомнить о том, что политеистическим религиозным системам были чужды догматы и твердо установленные нормы, а также нетерпимость по отношению к верованиям других народов или лиц. Политеизм не имел также представления о ложной вере или каких-либо формах ереси. Именно отсутствие религиозной демаркации и концепции о ереси было причиной того, что древние боги не испытывали зависти друг к другу¹⁰.

Хотя ахеменидские цари считали своего Ахура-Мазду самым могущественным богом, они также верили в божества покоренных народов, поклонялись им, стремясь добиться их благожелательного к себе отношения. Поэтому официальный имперский пантеон Ахеменидов включал десятки различных божеств¹¹. Все они считались государственными богами различной важности и всем им приносились жертвы от имени ахеменидских правителей. Основные государственные боги выставлялись перед народом во время важных праздников.

Хотя обожествление царей было чуждо персам, в Египте, согласно местным традициям, ахеменидские правители, естественно, считались богами. Например, Диодор Сицилийский (I.95.4–5) писал, что Дарий I был обожествлен египетскими жрецами за его благожелательное отношение ко всему священному для египтян. Это подтверждается и египетскими текстами. Так, например, в одной надписи говорится, что Дарий был рожден богиней Нейт, которая признала его и вручила ему лук, чтобы он пронзил им своих врагов¹².

Соблюдение религиозных предписаний было скорее личным делом индивидуумов, и в общем они сами решали, каким богам следует им поклоняться. Ни Ахемениды, ни другие правители древности и не помышляли о том, чтобы навязать покоренным народам свои религиозные взгляды. Прозелитизм был чужд древней идеологии, ибо никто не был заинтересован в том, чтобы делиться с посторонними благодеяниями своих богов, великодушие которых не было безграничным.

Мы не располагаем никакими свидетельствами относительно наказаний нечестивых людей на древнем Ближнем Востоке. Очевидно, предполагалось, что боги сами накажут тех, кто не проявлял должного уважения к ним. Разумеется, нечестивцы не пользовались уважением окружающих. Так, например, согласно вавилонскому сочи-

¹⁰ *Burkert W. Ancient Mystery Cults. Camb. Mass. – L., 1987. P. 48.*

¹¹ *Bickerman E. Studies in Jewish and Christian History. V. 1. Leiden, 1976. P. 93 ff.*

¹² *Тураев Б.А. История древнего Востока. Т. 2. СПб., 1913. С. 135.*

нению «Шурпу», те, кто относится с пренебрежением к своему богу или проявляет презрение к своей богине, совершают преступление против них. Естественно, такие люди не являлись украшением своего города, а считались его позором¹³.

Таким образом, государственные чиновники и храмовые власти не следили за выполнением религиозных обрядов частными лицами. Люди могли приносить жертвы любым богам, которым они желали поклоняться, но обычно почитали прежде всего богов-покровителей своих родных городов. В дополнение к государственным и общинным культам, существовал также частный культ. Люди верили в то, что они могут жить благополучно только в том случае, если их личные боги будут покровительствовать им¹⁴. В вавилонском сочинении «Владыку мудрости хочу восславить» герой жалуется, что его бог-защитник покинул его и богиня его исчезла¹⁵. Те, кто не имел своих семейных богов или был покинут ими, были обречены на страдания до тех пор, пока они не найдут себе новых божеств. Семейные боги имели свои алтари, где им ежедневно приносились жертвы, сопровождавшиеся молитвами. За почтительное отношение к ним и за регулярную заботу об их культе боги в свою очередь обязаны были защищать и оберегать своих подопечных.

OFFICIAL IDEOLOGY AND PRIVATE LIFE IN THE ACHAEMENID EMPIRE

M.A. Dandamayev

The first millennium B.C. was a period of great empires. But in contrast to the empires of the third and second millennia based on state economy, the Neo-Assyrian, Neo-Babylonian and Achaemenid empires depended mainly on taxes from private households. Under the Achaemenids, for the first time in history the world became united and indivisible on enormous territories, from Egypt and to northwest India, causing intensive processes of ethnic mixing and syncretism of cultures and religious concepts of various peoples.

Although the Achaemenid kings considered their own Ahuramazda the most powerful god, they also believed in the deities of the vanquished peoples, worshipped them, and aspired to obtain for themselves their benevolent attention. Neither the Achaemenids nor other rulers of ancient states tried to impose their religions upon conquered countries. Royal officials or local temple authorities did not control whether or how private individuals performed their religious duties. People could make sacrifices to any deities they wanted to, but as a rule they paid homage to their local city tutelary gods. In addition to public or communal cult, there also existed private cults i.e. the cults of family gods who had their own altars.

¹³ *Reiner E.* Surpu, a Collection of Sumerian and Akkadian Incantations // Archiv für Orientforschung. Beiheft 11. Graz, 1958. P. 13 ff., 97.

¹⁴ *Jacobsen T.* Mesopotamien Religions // The Encyclopedia of Religion. N.Y. —L., 1987. P. 465.

¹⁵ *Lambert W.G.* Babylonian Wisdom Literature. Oxf., 1975. P. 32.

© 1998 г.

М.М. Дандамаева

КОГДА ХАЛДЕИ СТАЛИ ПРОРИЦАТЕЛЯМИ?

Греческое слово «халдей» происходит от аккадского *kaldu*, этнонима, которым в клинописных текстах обозначались западносемитские племена, сыгравшие весьма важную роль в политической и экономической жизни Вавилонии первой половины I тыс. до н.э.¹ Насколько позволяют судить клинописные источники, халдеи, добив-

¹ *Brinkman J.A.* Prelude to Empire. Babylonian Society and Politics, 747–626 B.C. Philadelphia, 1984; *Edzard D.* Kaldu // RLA. Bd V. Lief. 3/4. 1977. S. 291–297; *Oates J.* Babylon. L., 1979. P. 111–113.